

А. Орлов

**Тринитарные воззрения
Илария Пиктавийского**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 291
ББК 86.3
А11

А11 **А. Орлов**
Тринитарные воззрения Илария Пиктавийского / А. Орлов – М.: Книга
по Требованию, 2016. – 554 с.

ISBN 978-5-458-56643-8

ISBN 978-5-458-56643-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2016

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2016

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

лить это Первоначало исключительно сверхчувственнымъ, абсолютно-невоплотимымъ ¹⁾, а міръ, какъ конкретное, качественное бытіе, признаеть уже опосредствованнымъ бытіемъ, объективацией идей Первоначала въ Логосъ, а черезъ Логоса—демиурга въ матеріи, которая, будучи со строго метафизической точки зрѣнія, скорѣе небытіемъ (*μη ὄν*), чѣмъ реальностью, тѣмъ не менѣе является какъ второе начало мировой жизни, какъ принципъ его двойственности и несовершенства ²⁾.

Этотъ же роковой для древне-философской мысли дуализмъ насквозь проникаеть и мировоззрѣніе стоиковъ, несмотря на его повидимому строго выдержанный пантеистическій (панлогическій) характеръ. Утверждая тождество Божества съ міромъ, ³⁾ стоики выдерживали эту идею въ онтологіи и космологіи ⁴⁾, но бывали вынуждены смягчать и ограничивать ее при столкновеніи съ жизненно-практическими (этическими) проблемами. Фактъ несовершенства мировой жизни, разлада между идеаломъ и дѣйствительностью располагалъ и стоиковъ различать между собственно божествомъ, какъ „душою (мыслію, разумомъ, *ἡγεμονικόν*) міра“ (Первоогонь) и мировыми объектами, лишь какъ опосредствованными (и въ силу этого несовершенными) проявленіями Божества ⁵⁾. На этой почвѣ у нѣкоторыхъ представителей стоицизма развивалось уже прямое противоположеніе Бога и міра (Boëthus) ⁶⁾, признаніе матеріи, какъ иного, со-

¹⁾ Cfr. *August. Confess.* VII, 9: procurasti mihi per quemdam hominem .. quosdam platoniorum libros ex graeca lingua in latinam versas: et ibi legi non quidem his verbis, sed hoc idem omnino multis et multiplicibus suaderi rationibus, quod *in principio erat Verbum* etc (Joh. I, 1—5)... Sed quia *Verbum caro factum est et habitavit in nobis*; non ibi legi. Cfr. *De civ. Dei*: X, 29 c. *Migne.* s. l. 41. 303 c.

²⁾ Ср. *Владиславлевъ.* Философія Плотина. Спб. 1868 г. 124—131 стр.

³⁾ Sen. *Benef.* IV, 7, 1: quid aliud est natura, quam Deus et divina ratio toti mundo et partibus ejus inserta? *Zeller.* Die Philosophie d. Griechen ^{3/1} Lpz. 1880. 146 s.

⁴⁾ Выдающаяся конкретность стоическаго пантеизма въ онтологіи и космологіи, можетъ быть, не осталась безъ вліянія и на христіанское западное богословіе, сообщивъ, какъ увидимъ ниже, его ученію объ „обоженіи“ человѣка во Христѣ замѣчательную формальную рельефность.

⁵⁾ Cfr. *Zeller.* Op. cit. 143 s.

⁶⁾ *Zeller.* Op. cit. 149 s.

вѣчнаго Богу начала, которое лишь проникается Божествомъ, ¹⁾—и эсхатологическое убѣжденіе, что лишь въ концѣ каждаго мірового періода міровыя вещи возвращаются въ свое первобытное божественное состояніе, соединяясь съ чистымъ Первоогнемъ ²⁾. Отсюда же вытекаетъ мрачно-суровый этический идеаль стоика-мудреца, — мужественно переносить житейскія лишенія и страданія, лишь повинуваясь божественному голосу своего разума.

Отмѣченная тенденція религіозной мысли до-христіанскаго міра выступаетъ, наконецъ, и въ т. н. вульгарномъ язычествѣ, при всей матеріализаціи и антропоморфизмѣ его религіозныхъ воззрѣній. Греко-римское язычество повидимому не знало рѣзкой границы между божественнымъ и человѣческимъ мірами, въ ученіи о многообразныхъ боговоплощеніяхъ, съ одной стороны, и обожествленіи различныхъ героевъ и императоровъ, съ другой, видимо сливая эти двѣ стороны бытія въ одинъ общій міръ. Но въ этомъ самомъ наивномъ политеизмѣ язычества, въ его сложной градаціи высшихъ и низшихъ божествъ, бессознательно сказалась та же тенденція заполнить разстояніе между божественнымъ и міровымъ бытіемъ цѣлымъ рядомъ посредствующихъ существъ, которая у философски развитыхъ умовъ языческой древности выразилась въ научнообработанной демонологіи и въ особенности въ ученіи о Логосѣ, какъ деміургѣ—посредникѣ между Единымъ и міромъ ³⁾. Уже Тертуллианъ отмѣтилъ, что идея единого божества бессознательно доминировала въ душѣ даже неразвитого философски язычника, и эта идея достаточно ясно выступала, когда язычникъ въ клятвахъ или молитвахъ обращался не къ Зевсу, Гермесу или какому либо изъ другихъ божествъ, въ частности, но просто къ Богу, какъ бы бессознательно признавая отдѣльныхъ боговъ лишь частными моментами, посредствующими формами божественнаго бытія

1) Cfr. *Tertul. Adv. Hermog.* 1: *Hermogenes sumpsit a stoicis materiam cum Deo ponere, quae ipsa semper fuerit, neque nata, neque facta, nec initium habens omnino, nec finem. Migne s. l. 2, 198 c.* Stoici volunt sic Deum per materiam decucurrisse, quomodo mel per favos. *ib.* 4t c. M. 2, 236 c.

2) *Zeller...* 149 s.

3) Cfr. *August. De civ. Dei VIII, 18.* M. 41, 243 c.

вообще, глубокую противоположность котораго земному міру онъ ощущалъ инстинктивно ¹⁾).

Въ противоположность отмѣченной дуалистической теософіи язычества и отчасти іудейства, поскольку іудейство въ предхристіанскую эпоху въ значительной степени по духу приближалось къ язычеству (филонизмъ),—христіанство съ самаго момента своего возникновенія выступило, какъ проповѣдь о боговоплощеніи,—евангеліе богосыновства людей во Христѣ, какъ религія самаго тѣснаго единенія міра съ Богомъ. Если дохристіанскій міръ, при видимой матеріализаціи его религій, въ сущности относилъ Божество въ трансцендентныя высоты, то христіанство, наоборотъ, при видимой трансцендентности Божества, вмѣстѣ съ тѣмъ ставило Его въ тѣснѣйшее (имманентное) отношеніе къ міру, и въ особенности къ человѣку—христіанину. Возвѣщая ученіе о Богѣ, какъ единомъ и личномъ принципѣ всего міробытія,—о Богѣ, творцѣ самой матеріи, премудромъ промыслителѣ, который по Своей свободной волѣ допустилъ самое зло, въ качествѣ временнаго орудія для осуществленія Своихъ плановъ,—христіанство возвѣстило, что этотъ верховный единый Принципъ міровой жизни, котораго съ такимъ томленіемъ искала въ трансцендентной сферѣ пытливая мысль человѣческая, самъ, по Своей любви къ человѣку, сошелъ на землю, соединился съ человѣческимъ существомъ, и черезъ Свою крестную смерть открылъ человѣку доступъ къ самому тѣсному общенію съ Божествомъ, путь къ обоженію. И это „слово крестное“, такъ расходившееся съ господствующимъ типомъ религіозно-философскаго идеала въ древнемъ мірѣ, было „безуміемъ“ для эллиновъ и „соблазномъ“ для іудеевъ. Черезъ всю исторію древней христіанской церкви почти непрерывной струей проходитъ эта языческо-іудейская тенденція такъ или иначе отдалить Божество отъ міра, подмѣнить догматъ о воплощеніи истиннаго Бога въ истинной человѣческой природѣ—ученіями, болѣе средними съ характеромъ прежнихъ, дохристіанскихъ религіозныхъ представленій ²⁾).

¹⁾ *Tertull.* De testim animae 2 с. *Migne.* s. l. 1, 685 с.

²⁾ Сfr *Iren.* Adv. Hæc. 3, 11, 3: secundum nullam sententiam hæreticorum Verbum Dei caro factum est. (*Migne* s. g. 7, 882 с.). Тѣсная связь христіанскихъ ересей съ философскими ученіями древности отмѣча-

Эвюнитство¹⁾, отрицавшее божество и сверхъестественное рождение Христа,—докетизмъ, не признававшій Его истиннаго человѣчества и разрушавшій, такимъ образомъ, „единственную надежду всего міра“²⁾, антитринитаріанство динамистовъ („послѣдователи Самосатскаго“), видѣвшее во Христѣ лишь носителя божественной силы³⁾—вотъ основные моменты этой эволюціи іудейско-языческаго принципа въ христіанствѣ до 4-го вѣка. Аріанство, съ его ученіемъ о Логосѣ—Сынѣ, какъ второмъ богѣ (*ὁ δευτέρος Θεός*), по существу отличномъ отъ Единаго Нерожденнаго Самобытія, было лишь наиболѣе—тонкой и всесторонне продуманной философійю этого же іудейско-языческаго религіознаго идеала.

Интересенъ фактъ, что внутренняя связь аріанства съ язычествомъ и іудействомъ ясно сознавалась уже современниками полемистами противъ него, которые нерѣдко называли аріанъ „нынѣшними іудеями“ или „язычниками“⁴⁾. Аріанство, въ широкомъ значеніи этого термина, не было религіозной доктриной, обязанной своимъ происхожденіемъ исключительно личному религіозно-философскому творчеству Арія: онъ былъ по исторической случайности лишь первымъ и наиболѣе виднымъ выразителемъ взглядовъ, которые раздѣлялись многими богословами его эпохи,—людьми, съ дѣтства безсознательно впитавшими [въ себя духъ антично—языческаго міровоззрѣнія, и самую библію читавшими черезъ призму его религіозно-философскихъ понятій. По замѣчанію Гарнака, если бы аріанство достигло побѣды

лась почти всѣми православными богословами—полемистами. *Haereticorum patriarchae philosophi*,—заявляетъ Тертуллианъ со свойственной ему категоричностью въ выраженіяхъ (*Adv. Hermog. 8 c. Migne, Patr. c. c. s. l. 2 t. 204 c.*). *Ipsae haereses a philosophia subornantur: inde acones et formae nescio quae et trinitas hominis apud Valentinum: platonicus fuerat. Inde Marcionis Deus melior de tranquillitate: a stoicis venerat. Viderint, qui stoicum, et platonicum et dialecticum christianismum protulerunt (Praescript. 7 c. Migne 2, 19—40 c.)*.

¹⁾ *Iren. V, 2, 3: Vani et Ebionæi, in veteri generationis perservantes fermento, neque intelligere volentes, quoniam spiritus s. adveniat in Mariam. Migne. s. g. 7, 1122 c.*

²⁾ *Tertul. De carne Christi, 4—5 c. M. 2, 759—760 cc.*

³⁾ *Τὸν ἰουδαϊσμὸν παραφθειρόντες, οὐδὲν περισσώτερον τῶν ἰουδαίων κειμήμινοι, δένετροι Ἰουδαῖοι κληθήσονται. Epirh. Hæg. 65, 2, Migne, s. g. 42, 13 c.*

⁴⁾ *Cfr. Athanas. Orat. c. arian. 1, 38; 2, 1; 18, 2, etc.*

на эллинской почвѣ, оно совершенно уничтожило бы христіанство. Его удивительный успѣхъ въ народной массѣ при Констанціи обусловливается тѣмъ, что оно по существу было не что иное, какъ естественный переходъ отъ греческаго политеизма къ монотеизму. Его ученіе о высшемъ Богѣ и Логосѣ—диміургѣ—низшемъ Богѣ, все это глубоко коренилось въ міровоззрѣніи язычества, напоминая ему его теогонію ¹⁾.

Борьба защитниковъ православія съ аріанствомъ, равно какъ и съ раннѣйшими ересями, въ сущности сводилась къ утверженію идеи именно пренскреняго единенія человѣка съ Богомъ во Христѣ,—другими словами, къ утверженію истинно—божеской и истинно—человѣческой природы Спасителя, въ противовѣсъ различнымъ видамъ религіозно-философскаго дуализма. Нельзя отрицать, что христіанство, въ лицѣ даже лучшихъ своихъ представителей, т. е. отцовъ церкви, глубоко впитало въ себя идѣи антично—философской мысли, въ значительной степени ассимилировалось съ ней, и что даже тѣ церковные богословы, которые съ негодованіемъ отвергали опыты создать какое то стоическое, или платоновское, или діалектическое христіанство ²⁾, въ дѣйствительности, во многихъ цунктахъ своихъ богословскихъ системъ являлись и стойками, и платониками, и діалектиками (аристотеликами). Но одна черта отдѣляла этихъ православныхъ философовъ отъ языческихъ мыслителей и философовъ—еретиковъ: это именно идея объ истинномъ богочеловѣчествѣ Христа, служившая вмѣстѣ съ тѣмъ и проблемнымъ камнемъ ихъ сравнительной ортодоксіи предъ судомъ позднѣйшаго церковно—догматическаго сознанія. Вся исторія догматическаго развитія церкви въ первые вѣка ея жизни въ сущности есть процессъ постепеннаго выясненія именно этой идеи, нашедшей себѣ наиболѣе рельефное выраженіе въ никейскомъ символѣ, который съ замѣчательной исторической мѣткостью назывался у нѣкоторыхъ его защитниковъ „вѣрой, побѣдившей всѣ ереси“ ³⁾.

1) *Harnack*. Lehrbuch d. Dogmengeschichte. 2 t. 216—217 ss.

2) См. примѣч. 2 на стр. V.

3) Cfr. *Lucif. Cular*. I lib. pro Athan. *Migne*. s. l. 13 t. 854, 1015 cc. *Athan. Epist. ad Afros*. M. s. g. 26 t. 1029 c.

Глубоко коренясь, такимъ образомъ, еще въ до-христіанской языческой древности, церковно-догматическія движенія 4-го вѣка, какъ собственно историческое явленіе, однако, развиваются на болѣе или менѣ узкой площади, — являясь собственно-церковнымъ споромъ, раскрывая внутреннюю противоположность стараго іудео-языческаго и новаго христіанскаго міровоззрѣній почти исключительно въ формѣ церковно-христіанскихъ понятій и терминовъ. Но эта, такъ сказать, специализація вѣкового спора между старой и новой идеологіей не только не упрощала дѣла, но напротивъ, придала догматическимъ спорамъ 4-го вѣка особенную утонченность и эластичность, осложнила ихъ цѣлой массой чисто-церковныхъ детальныхъ вопросовъ, разногласіе по которымъ нерѣдко даже заслоняло принципиальную сущность спора. Отсюда, догматическія движенія 4-го вѣка въ значительной своей части являлись чисто-церковною борьбою различныхъ направленій современной научно-богословской мысли, столкновениемъ различныхъ богословскихъ школъ, съ ихъ опредѣленными философскими традиціями, учеными симпатіями, излюбленными методами и терминологіей. Эта необычайная сложность, чисто-партійная скрупулезность и вмѣстѣ непримиримость церковныхъ споровъ 4-го вѣка, порою уже нѣкоторымъ изъ ихъ современниковъ представлявшаяся „споромъ изъ-за словъ“, ¹⁾ даже имѣющимъ въ своей основѣ не столько объективные интересы истины, сколько личное самолюбіе и нравственное ожесточеніе противниковъ. „Не казалось ли нѣкоторымъ образомъ прежде, — съ сокрушеніемъ писалъ Василій Великій, — что иномысліе аріанское, отдѣлившись отъ Церкви Божіей для противоборства съ нею, одно, своими только силами, противостоитъ намъ въ рядахъ непріятельскихъ? Но когда, послѣ продолжительныхъ и жестокихъ споровъ, вступили они съ нами въ явную борьбу: тогда брань приняла много видовъ и раздѣлилась на много частей; потому и по общей враждѣ, и по частной подозрительности, во всѣхъ поселилась непримиримая ненависть. И

¹⁾ Quia jam de fide nostra nihil inter nos suspitionis relictum est, ea quæ adhuc in suspicionem ex verbis veniunt purgantur. Date veniam, Fratres, doleri meo: impium est, quod audetis... Nomen nihil habet criminis, quod sensum non perturbat religionis. *Hilar.* De syn. 77, 82 nn. (*Migne* s. l. X t.).

эго обуреваніе церквей не свирѣѣе ли всякаго морского волненія? Имъ сдвинуты съ мѣста всѣ предѣлы отцовъ, приведены въ колебаніе всѣ основанія и твердыни догматовъ... Другъ на друга нападаая, другъ другомъ низлагаемся. Кого не низринуть противникъ, того уязвляетъ защитникъ. До тѣхъ только поръ взаимное у насъ общеніе, пока сообща ненавидимъ противниковъ. А какъ скоро враги прошли мимо, другъ въ другѣ уже видимъ враговъ... Все равно, кто только какъ можетъ, заносятъ убійственныя руки другъ на друга. А какой-то грубый кличъ людей, взаимно сталкивающихся по своей охотѣ къ спорамъ, и неясный крикъ и неразличимые звуки неумолкающей молвы наполнили собою всю уже почти церковь, то прибавленіями, то убавленіями извращая догматъ благочестія... Недостаточно богодуховеннаго Писанія для ихъ сближенія, апостольскія преданія не рѣшаютъ взаимныхъ между ними условій примиренія. Одинъ предѣлъ дружбы—говорить въ угожденіе другъ другу, и одинъ предлогъ къ враждѣ—не соглашаться во мнѣніяхъ. Во всѣхъ охладѣла любовь, исчезло единодушіе братій, и неизвѣстно стало имя единомыслія“¹⁾.

Но какъ бы ни оцѣнивать съ субъективно-моральной точки зрѣнія, догматическіе споры 4-го вѣка, съ ихъ мелочнымъ порою характеромъ, — съ исторической точки зрѣнія они имѣли свой *raison d'être*. Съ возвышеніемъ христіанства на степень государственной религіи въ греко-римской имперіи и предоставленіемъ церкви правъ на свободное самоопредѣленіе во внутренней жизни, — естественнымъ образомъ всплыли наружу тѣ существенныя и формальныя разногласія, которыя въ теченіе предшествующаго періода складывались и таились въ тѣхъ или другихъ церковныхъ группахъ и районахъ, ускользя отъ контроля вселенской церкви, слишкомъ занятой борьбою съ политическими врагами, и притомъ еще съ внѣшней стороны недостаточно объединенной въ единый соціальныи организмъ. Съ эпохи Константина Великаго церковь вступила въ періодъ внутренней самопровѣрки, историко-критическаго анализа своего идейнаго содержанія; — самъ собою выдвигался вопросъ, какое именно изъ различныхъ теченій рели-

¹⁾ *Bas. Mag.* Ad Amphil. de Spiritu s. 2, 30 c. P. n. 3, 385—7 стр.

гіозно-філософской мысли должно явиться въ качествѣ все-ленской ортодоксіи, имѣющей общецерковный авторитетъ. То обстоятельство, что каждая изъ богословскихъ школъ предшествующаго періода, благодаря значительной обособленности внутренней жизни тѣхъ или другихъ помѣстныхъ церквей, имѣла свою спеціальную, болѣе или менѣе почтенную по древности традицію, располагало представителей этихъ школъ смотрѣть на себя, какъ на исключительныхъ носителей правовѣрія, подозрительно относиться къ богословскимъ особенностямъ другихъ школъ, какъ опаснымъ и даже прямо еретическимъ новшествамъ, и съ особеннымъ тщаніемъ и даже упорствомъ держаться, т. с. за каждый „азъ“ своего историческаго наслѣдія. Насколько имѣлъ силу этотъ партикуляризмъ церковно-школьнаго преданія въ эпоху аріанскихъ споровъ, показываетъ тотъ фактъ, что къ авторитету преданія одинаково апеллировали лица самыхъ противоположныхъ возрѣній: Аріій ¹⁾ и Аеанасій, ²⁾ Иларій ³⁾ и Авксентій Миланскій ⁴⁾, и Ульфила Готскій, ⁵⁾ и Евсевій Кесарійскій ⁶⁾ и т. п.

И мы не имѣемъ основаній заподозривать искренность этихъ заявленій, хотя бы исходившихъ и изъ аріанскихъ круговъ: ихъ порою высказывали люди, не останавливавшіеся ни передъ какими жертвами во имя своихъ убѣжденій,— люди, безукоризненные по своему нравственному облику, каковъ былъ, напр., знаменитый ревнитель христіанскаго просвѣщенія среди готовъ, еп. Ульфила. Такимъ образомъ, историческія условія и задачи самой церковной жизни въ въ 4-мъ вѣкѣ складывались такъ, что необходимо привлекали къ догматической борьбѣ всѣ интеллектуальныя силы современной церкви, и при томъ борьбѣ настойчивой до фанатическаго упорства, тщательно-осмотрительной до сектантской мелочности: только такимъ путемъ могъ утвердиться

¹⁾ Ep. Arii ad Alex (*Athan.* De synodis 16 n.).

²⁾ *Athan.* De decr. 27 c. De sent Dion. 19 n. *Migne.* 25, 466, 508 c

³⁾ *Hilar.* De syn. 91 n.

⁴⁾ *Hilar.* Contra Auxent. 14 n.

⁵⁾ *Cir. Waitz.* Ueber das Leben und d. Lehre d. Ulfilas. Hannover. 1840. s. 21.

⁶⁾ Ep. ad Cæsar. *Theodor.* H. E. 1, 11 c.

и получить общецерковную санкцію вселенскій символъ вѣры, впервые изложенный на никейскомъ соборѣ подѣ преобладающимъ вліяніемъ западной и александрійской школь, а затѣмъ, послѣ слишкомъ полувѣкового анализа корректированный подѣ вліяніемъ консервативно-восточнаго (впослѣдствіи отлившагося въ ново-никейскую школу) богословія на константинопольскомъ соборѣ 381 года.

Если изъ представленной характеристики существа догматическихъ движеній 4-го вѣка сама собою обрисовывается необходимость,—при изученіи какого угодно богословскаго дѣятеля этой бурной эпохи имѣть въ виду болѣе или менѣе широкую и отдаленную историческую перспективу, то это требованіе получаетъ, наконецъ, особенное значеніе при изученіи богословскихъ воззрѣній Иларія. Волею историческихъ судьбъ поставленный, какъ мы увидимъ ниже, въ самомъ центрѣ современныхъ церковно-догматическихъ событій, Иларій входилъ въ болѣе или менѣе тѣсное соприкосновеніе со всѣми главнѣйшими теченіями своей эпохи, въ своихъ сочиненіяхъ отзывался почти на всѣ ея злободневные вопросы, принималъ видное участіе во многихъ крупныхъ актахъ современной церковной жизни, имѣлъ близкія связи съ представителями различныхъ церковныхъ группъ, и, что въ особенности важно, именно Иларію принадлежитъ высокая честь первому изъ современныхъ церковныхъ дѣятелей отрѣшиться отъ партикуляризма мѣстно-церковной, школьно-богословской традиціи, подняться выше „спора изъ-за словъ“, выступить въ качествѣ посредника между враждующими лишь изъ-за формально-богословскихъ разногласій партіями, и въ этомъ смыслѣ оказать церкви существенную услугу въ дѣлѣ выработки общецерковной вселенской ортодоксіи.

Въ тѣсной связи съ ученіемъ о Трїединомъ Богѣ у древнихъ церковныхъ богослововъ переплетался христологическій вопросъ,—вопросъ о взаимоотношеніи въ Лицѣ Спасителя божеской и человѣческой природѣ, представлявшей, пожалуй, самую душу, жизненный нервъ догматическихъ движеній какъ до-никейской такъ и послѣ — никейской эпохи. Если сущность этихъ движеній, какъ мы уже отмѣтили, сводилась къ вопросу о реальномъ взаимоотношеніи между Богомъ и міромъ, о преискреннемъ откровеніи человѣчеству

во Христѣ божественной жизни, то собственно христологической вопросъ являлся ближайшимъ уясненіемъ quomodo этого таинства, тогда какъ вопросъ о божественномъ тріединствѣ представлялъ собою лишь его необходимую метафизическую предпосылку. Эта принципиальная важность христологической проблемы и ея органическая связь съ метафизическими основами христіанскаго богословія, ясно сознававшаяся на всемъ протяженіи церковно-богословской мысли (Тертуллианъ, Иринеи, Оригенъ, и др.), въ особенности отчетливо выступила въ церковномъ сознаніи въ 4-мъ вѣкѣ, когда ариане, рѣшительно отвергнувъ догматъ объ истинномъ божествѣ Христа, въ подтвержденіе этого тезиса широко воспользовались всѣми тѣми „уничижительными“ для Христа библейскими изреченіями о Немъ, которыми частично пользовались для этой же цѣли и раннѣйшіе еретики, и которые, по православному пониманію, имѣли отношеніе лишь къ человѣческой природѣ Спасителя. „Возможно ли,—писалъ Аѳанасій Великій, — чтобы Аріи, совершенно не познавъ преискренняго и истиннаго рожденія Сына отъ Отца, не имѣлъ погрѣшительной мысли и о пришествіи Сына во плоти?“ 1) И въ своихъ сочиненіяхъ противъ арианъ знаменитый защитникъ православія удѣляетъ почти одинаковое вниманіе какъ собственно теологическому, такъ и христологическому вопросамъ. Такое же значеніе христологическая проблема имѣла и для Иларія Пиктавійскаго. Исходя изъ убѣжденія, что лишь вѣра въ неслитное и нераздѣльное единеніе во Христѣ истиннаго божества и истиннаго человѣчества является основой человѣческаго блаженства 2), Иларій разносторонне и съ выдающейся полнотой раскрываетъ какъ положительное ученіе церкви объ этомъ догматѣ, такъ отражаетъ и различные еретическіе взгляды по этому вопросу. Глубоко-отзывчивый на религіозные запросы современности, Иларій, можно сказать, по преимуществу жилъ этой идеей объ истинномъ богочеловѣчествѣ Спа-

1) *Athan. Or. c. arian 1, 8 n.*

2) *Nescit plane vitam suam, nescit, qui Christum Iesum ut verum Deum, ita et verum hominem ignorat... Haec humanae beatitudinis fides vera, est, Deum et hominem praedicare, Verbum et carnem confiteri: neque Deum nescire, quod homo sit, neque carnem ignorare, quod Verbum sit. De trin. 9, 3 n.*